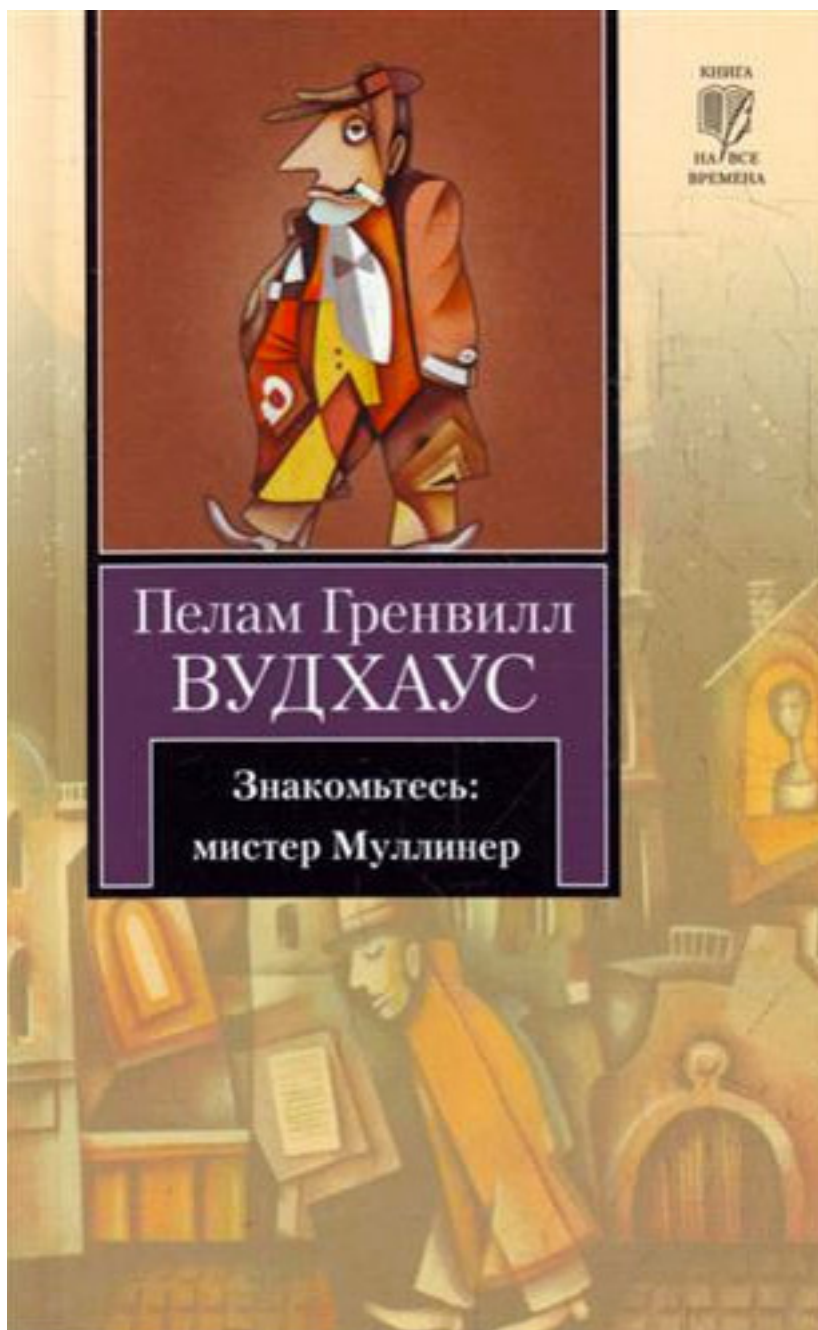

КНИГА
НА ВСЕ
ВРЕМЕНА

Пелам Гренвилл
ВУДХАУС

Знакомьтесь:
мистер Муллинер

Мистер Муллинер

Пелам Гренвилл Вудхаус

Знакомьтесь: мистер Муллинер

«АСТ»

1927

Вудхаус П.

Знакомьтесь: мистер Муллинер / П. Вудхаус — «АСТ»,
1927 — (Мистер Муллинер)

ISBN 978-5-17-067351-3

Сборник «Знакомьтесь: мистер Муллинер» открывает цикл рассказов о многочисленном семействе Муллинеров. Сам мистер Муллинер, уютно расположившийся в зале «Отдыха удильщиков», развлекает собравшуюся публику забавными историями, в которых представители незаурядного семейства благодаря смекалке, чувству юмора, отважности и неистощимому оптимизму одерживают сокрушительные победы на любовном фронте.

ISBN 978-5-17-067351-3

© Вудхаус П., 1927

© АСТ, 1927

Содержание

Вся правда о Джордже	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Пелам Гренвилл Вудхаус

Знакомьтесь: мистер Муллинер

Вся правда о Джордже

Когда я вошел в уютный зал «Отдыха удильщика», там сидели два посетителя и один, судя по его возбужденному, но приглушенному голосу и бурной жестикуляции, рассказывал второму что-то крайне увлекательное. До меня доносились лишь отрывочные «ничего подобного мне еще видеть не приходилось» и «во-о-от такая!», но догадаться об остальном в заведении под подобной вывеской было очень легко. И когда второй, перехватив мой взгляд, подмигнул мне со страдальческой усмешкой, я сочувственно улыбнулся ему.

Вот так нас связали узы взаимной симпатии, и, когда рассказчик, завершив свою повесть, удалился, его слушатель направился к моему столику, словно уступая настойчивому приглашению.

– Какими отпетыми лгунами бывают люди! – сказал он благодушно.

– Рыболовы, – мягко указал я, – заведомо небрежны в обращении с истиной.

– Он не рыболов, – возразил мой собеседник, – а здешний врач. И рассказывал мне про пациента, который недавно обратился к нему по поводу водянки. К тому же, – и он убедительно похлопал меня по колену, – не следует особенно доверять легенде о рыболовах, пусть и весьма распространенной. Я сам рыболов и не солгал ни разу в жизни.

Поверить ему труда не составляло: такой он был уютный толстячок средних лет. А его глаза сразу же подкупили меня удивительно детской искренностью. Глаза эти были большие, круглые и честные. Я, не дрогнув, купил бы у него любую самую многообещающую акцию.

Дверь, выходившая на большую пыльную дорогу, открылась, и в нее по-кроличьи юркнул человечек, словно бы чем-то встревоженный, и выпил джина с лимонадом еще прежде, чем мы успели сообразить, что видим его. Утолив жажду, он посмотрел на нас, как будто ему было очень не по себе.

– Д-д-д-д... – сказал он.

Мы выжидающе смотрели на него.

– Д-д-добрый д-д-д-д...

Его нервы, видимо, не выдержали, и он исчез столь же внезапно, как и появился.

– Мне кажется, он клонил к тому, чтобы пожелать нам доброго дня, – высказал догадку мой собеседник.

– Вероятно, – заметил я, – человеку с подобным дефектом речи очень тяжело завязывать разговор с незнакомцами.

– Скорее всего он пытается излечить себя. Как мой племянник Джордж. Я вам когда-нибудь рассказывал про моего племянника Джорджа?

Я напомнил ему, что мы только-только познакомились и я впервые услышал, что у него имеется племянник по имени Джордж.

– Юный Джордж Муллинер. Моя фамилия Муллинер. Я расскажу вам, как обстояло дело с Джорджем. Во многих отношениях весьма поучительный случай.

Мой племянник Джордж (начал мистер Муллинер) был на редкость приятным юношей, но с самого нежного возраста он страдал жутким заиканием. Будь он вынужден зарабатывать на хлеб, этот дефект явился бы величайшим камнем преткновения на его жизненном пути, но, к счастью, отец оставил ему вполне приличный доход, и Джордж вел не слишком тягостную жизнь в селении, где родился, проводя дни в обычных деревенских развлечениях, а по вечерам

решая кроссворды. К тридцати годам он знал об Осии, пророке, о Ра, боге солнца, и о птице эму больше, чем кто-либо еще в графстве, исключая Сьюзен Блейк, дочь приходского священника, которая тоже увлекалась решением кроссвордов и была первой девушкой в Вустершире, установившей, что такое «стеарин» и «корпускулярность».

Именно общение с мисс Сьюзен впервые натолкнуло Джорджа на мысль, что ему необходимо излечиться от заикания. Естественно, разделяя увлечение кроссвордами, они часто виделись, так как Джордж то и дело заглядывал в домик при церкви, чтобы спросить Сьюзен, какое слово из шести букв «имеет отношение к профессии водопроводчика», а Сьюзен с таким же постоянством навещала уютный коттедж Джорджа, если ее, как и всякую девушку, ставило в тупик очередное слово из восьми букв, «связанное в основном с производством тарельчатых клапанов». А потому в один прекрасный вечер сразу после того, как она помогла ему разобратся со словом «псевдопериптер», молодого человека внезапно озарило и он понял, что в ней для него заключен весь мир, или, как он в силу привычки выразился про себя, она для него – любимая, дражайшая, душенька, возлюбленная, высоко чтимая или ценимая.

И все же всякий раз, когда он пытался сказать ей это, ему не удавалось продвинуться дальше пришептывающего бульканья, от которого толку было не больше, чем от заикания.

Очевидно, требовалось незамедлительно принять самые решительные меры. И Джордж отправился в Лондон показаться специалисту.

– Да? – сказал специалист.

– Я-а-а-а, – сказал Джордж.

– Вы хотите сказать?

– Л-л-л-у-у-у...

– Спойте, – сказал специалист.

– С-с-с-с-с? – с недоумением переспросил Джордж.

Специалист объяснил. Это был добрый человек с усами, траченными молью, и глазами, как у мечтательной трески.

– Очень многие из тех, – сказал он, – кому не дается ясная артикуляция в разговорной речи, убеждаются на опыте, что по четкости и звучности могут соперничать с колокольным звоном, стоит им разразиться песней.

Джорджу этот совет показался дельным. Он задумался, потом откинул голову, зажмурил глаза и дал волю своему мелодичному баритону.

– Я в деву юную влюблен, – пел Джордж. – Она лилея чистоты.

– Ну разумеется, – вставил специалист, слегка поморщившись.

– О, Сьюзен, Вустера цветок, виденье нежной красоты.

– А! – сказал специалист. – Видимо, очень славная девушка. Это она? – спросил он, водружая на нос очки и прищуриваясь на фотографию, которую Джордж извлек из недр левой половины своего жилета.

Джордж кивнул и набрал полную грудь воздуха.

– Да, сэр, – зажигательно начал он, – это девочка моя. Нет, сэр, тут не ошибаюсь я. И когда к священнику схожу, прямо я ему скажу: «Да, сэр, это...»

– Весьма, – поспешно перебил специалист, обладатель тонкого музыкального слуха. – Весьма, весьма.

– Знай вы Сьюзи, мою Сьюзи, – завел Джордж новый шлягер, но слушатель вновь прервал его:

– Весьма. Вот именно. Не сомневаюсь. А теперь, – сказал специалист, – что, собственно, вас беспокоит? Нет-нет, – поспешно добавил он, когда Джордж накачал воздуха в легкие, – не пойте. Перечислите все подробно вот на этом листе бумаги.

Джордж перечислил.

– Гм! – изрек специалист, ознакомившись с подробным перечнем. – Вы желаете приудрить, поухаживать, приволокнуться за этой девушкой с целью брака, женитьбы, супружеского союза, но обнаруживаете, что неспособны, несмелы, некомпетентны, неумелы и бессильны. При каждой попытке ваши голосовые связки терпят неудачу, недотягивают, оказываются ущербными, негодными и подкладывают вам свинью.

Джордж кивнул.

– Случай не такой уж редкий. Мне не раз приходилось иметь дело с подобным. Воздействие любви на голосовые связки субъекта, пусть даже красноречивого в нормальных условиях, очень часто оказывается губительным. Если же мы имеем дело с заикой, то, как установлено опытным путем, в девяноста семи целых пятистах шестидесяти девяти тысячных процента случаев божественная страсть ввергает субъекта в состояние, когда он издает звуки наподобие сифона с содовой, который пытается декламировать «Гунгу Дина» Киплинга. Есть только один способ излечения.

– К-к-к-к-к? – осведомился Джордж.

– Сейчас объясню. Заикание, – продолжал специалист, складывая ладони домиком и благожелательно глядя на Джорджа, – чаще всего есть явление чисто психическое и порождается застенчивостью, которая порождается комплексом неполноценности, который, в свою очередь, порождается подавляемыми желаниями, или интровертным торможением, или там еще чем-нибудь. И всем молодым людям, которые приходят сюда и изображают сифоны с содовой, я рекомендую ежедневно, минимум трижды, беседовать с тремя абсолютно незнакомыми людьми. Завязывайте разговор с избранными незнакомцами, каким бы последним идиотом вы себя при этом ни чувствовали, и не пройдет и двух месяцев, как вы обнаружите, что скромная ежедневная доза подействовала. Застенчивость мало-помалу исчезнет, а с ней исчезнет и заикание.

Затем, попросив молодого человека – безупречно твердым голосом, свободным от каких-либо дефектов речи, – вручить ему гонорар в пять гиней, специалист отпустил Джорджа в широкий мир.

Чем больше Джордж размышлял над полученной рекомендацией, тем меньше она ему нравилась. В такси, которое везло его на вокзал, откуда ему предстояло отправиться назад в Ист-Уобсли, он ежесекундно содрогался. Как все застенчивые молодые люди, он никогда прежде не считал себя застенчивым, предпочитая объяснять неловкость в обществе себе подобных редкими и возвышенными достоинствами своей души. Но теперь, когда ему это было объявлено без малейших экивоков, он был вынужден признать себя сущим кроликом во всех сколько-нибудь значимых отношениях. При мысли о том, что ему придется вступать в непрощенные беседы с совершенно незнакомыми людьми, его начинало тошнить.

Но ни один Муллинер еще никогда не уклонялся от исполнения неприятного долга. Поднявшись на перрон и широким шагом направляясь к своему поезду, он стиснул зубы, в глазах его вспыхнул почти фанатичный огонь решимости, и он проникся намерением еще до конца поездки провести три задушевных беседы – пусть даже ему придется пропеть каждое слово!

Купе, в котором он расположился, было в тот момент пустым, но как раз перед тем, как поезд тронулся, в него вошел весьма крупный мужчина свирепого вида. Джордж в качестве своего первого подопытного предпочел бы кого-нибудь не столь внушительного, но он взял себя в руки и слегка наклонился вперед. И в ту же секунду незнакомец заговорил.

– По-по-по-по-погода, – сказал он, – ка-ка-как бу-бу-будто об-об-обещает ста-ста-стать по-по-получше, ве-верно?

Джордж откинулся на спинку, словно получив удар между глаз. К этому моменту поезд уже покинул сумрак вокзала, и солнце лило яркие лучи на говорившего, высвечивая его могучие плечи, тяжелую челюсть и, главное, сокрушающе холерическое выражение глаз. Ответить такому человеку «д-д-д-да» было бы чистейшим безумием.

Однако молчание тоже явно ничего хорошего не сулило. Безмолвие Джорджа словно бы пробудило в незнакомце наихудшие страсти. Лицо его побагровело, глаза зловеще засверкали.

– Я за-за-задал ве-ве-вежливый во-во-во... – сказал он раздраженно. – Или вы г-г-г-глухой?

Мы, Муллинеры, славимся своей находчивостью. И Джорджу потребовалось не более секунды, чтобы разинуть рот, показать на свои миндалины и испустить придушенное бульканье.

Напряжение смягчилось, злость незнакомца поугасла.

– Н-н-н-немой? – сказал он сочувственно. – П-п-п-прошу п-п-п-п... Н-н-н-надеюсь, я вас н-н-н-не об-б-б-об... Д-д-д-должно б-б-б-быть, о-ч-ч-чень т-т-т-тяжело об-б-б-бла... д-д-д-деф-ф-ф... ре-ч-ч-чи.

После чего он уткнулся в газету. А Джордж съехался в своем уголке, дрожа всем телом.

Чтобы добраться до Ист-Уобсли, как вы, без сомнения, знаете, необходимо сделать пересадку в Ипплтоне. К тому времени, когда лондонский поезд остановился в Ипплтоне, Джордж уже более или менее обрел душевное равновесие. Он положил чемодан на полку в купе поезда на Ист-Уобсли, застывшего в ожидании отправления по другую сторону платформы, и, удостоверившись, что до отправления остается десять минут, решил скоротать время и подышать свежим воздухом, прогуливаясь взад и вперед.

День выдался чудесный. Солнце щедро золотило платформу своими лучами, а с запада дул приятный ветерок. Чуть в стороне от железнодорожного полотна звонко журчал ручей, в живых изгородях пели птицы, и за деревьями можно было различить величественный фасад приюта для умалишенных графства. Умиротворенный окружающей благодатью, Джордж пришел в превосходнейшее расположение духа и пожалел, что на платформе этой захолустной станции нет никого, с кем бы он мог завязать беседу.

И вот тут-то на платформу поднялся незнакомец достойнейшего облика. Сложен он был атлетически и очень скромно одет в пижаму, коричневые сапоги и макинтош. В одной руке он держал цилиндр, в который опускал другую руку, вынимал ее и непонятным жестом помахивал пальцами вправо и влево. Он кивнул Джорджу столь благожелательно, что тот, хотя и был несколько удивлен простотой костюма любезного незнакомца, решился заговорить с ним. В конце-то концов, подумал он, не одежда делает человека, а судя по этой улыбке, под курткой в оранжево-лиловую полоску билось отзывчивое сердце.

– П-п-п-погода от-т-т-личная, – сказал Джордж.

– Рад, что она вам нравится, – отозвался незнакомец. – Я ее специально заказал.

Джорджа это утверждение несколько удивило, но он не отступил.

– М-м-м-могу я спросить, ч-ч-ч-то вы д-д-д-делаете?

– Делаю?

– С-с-с-с этой шля-п-п-пой?

– А, с этой шляпой! Понимаю, понимаю. Всего лишь разбрасываю золотые монеты в толпу, – ответил незнакомец, вновь запуская пальцы в цилиндр и вскидывая руку в щедром жесте. – Дьявольски скучное занятие, но положение обязывает. Дело в том, – добавил он, беря Джорджа под руку и доверительно понижая голос, – что я император Абиссинии, а вон там мой дворец. – Он ткнул пальцем в сторону деревьев. – Но – никому ни слова. Это не подлежит разглашению.

С улыбкой, довольно-таки кривой, Джордж попытался высвободить руку, но его собеседник решительно воспротивился такой холодности. Видимо, он был полностью согласен с изречением Шекспира, утверждающим, что, обретя друга, его необходимо приковать к себе стальными обручами. Удерживая Джорджа железной хваткой, он увлек его за угол станционного здания и с удовлетворением огляделся.

– Наконец-то мы одни! – сказал он.

Но Джордж уже сам с мучительным содроганием постиг этот факт. В цивилизованном мире трудно отыскать более безлюдное место, чем платформа маленькой станции. Солнце озаряло гладкий асфальт, блестящие рельсы и автомат, который в обмен на пенни, опущенное в щель с надписью «Спички», незамедлительно выдавал ириску, – но больше оно ничего не озаряло.

В этот миг Джорджу нестерпимо хотелось узреть отряд полицейских, вооруженных увесистыми дубинками, но нигде не было видно даже дворняжки.

– Я давно хотел побеседовать с вами, – любезно сказал незнакомец.

– Н-н-н-неужели?

– Да. Я хочу узнать вашу точку зрения на человеческие жертвоприношения.

Джордж сказал, что не одобряет их.

– Но почему? – изумился незнакомец.

Джордж сказал, что затрудняется объяснить.

Не одобряет, и все.

– Полагаю, что вы заблуждаетесь, – сказал император. – Мне известно, что появилась философская школа, проповедующая сходные взгляды. Но я ее не признаю. Терпеть не могу все эти передовые теории. Императоры Абиссинии всегда уважали человеческие жертвоприношения, а потому и я их уважаю. Будьте любезны, войдите сюда.

Он указал на хранилище фонарей, швабр и прочих полезных предметов, с которыми они как раз поравнялись. Это было темное зловещее помещение, пропахшее керосином и носильщиками, и Джорджу, бесспорно, меньше всего хотелось затвориться там с собеседником, исповедующим такие странные убеждения. Он попятился.

– Только после вас.

– Никаких штучек! – подозрительно предупредил его собеседник.

– Ш-ш-ш-штучек?

– Да. Не заталкивать внутрь, дверь не запирать, не поливать в окно водой из кишки.

– К-к-к-конечно, н-н-н-нет.

– То-то! – изрек император. – Вы джентльмен, я джентльмен. Мы оба джентльмены. Кстати, у вас есть с собой нож? Нам понадобится нож.

– Нет. Ножа нет.

– Ну что же, – сказал император. – Придется нам поискать что-нибудь другое. Без сомнения, мы сумеем найти выход.

С величавым добродушием, которое так ему шло, он рассыпал еще одну горсть золотых монет и вошел в кладовку.

Запереть дверь Джорджу помешало не слово, которое он дал как джентльмен джентльмену. Вероятно, в мире нет семьи, все члены которой столь скрупулезно исполняли бы каждое свое обещание, как Муллинеры, однако я вынужден сказать, что Джордж, оказавшись у него под рукой ключ от этой двери, тут же запер бы ее без малейших колебаний. Но ключа под рукой у него не оказалось, и ему пришлось просто ее захлопнуть. Затем он отскочил от нее и помчался прочь по платформе. Донесшийся сзади грохот как будто указывал, что у императора вышли нелады с керосиновыми фонарями.

Джордж использовал свою фору наилучшим образом. С невероятной быстротой покрыв расстояние, отделявшее его от поезда, он вскочил в свое купе и нырнул под сиденье.

Там он притаился, дрожа всем телом. Внезапно ему почудилось, что его неприятный знакомец напал на его след – дверь купе отворилась, и Джорджа обдало прохладным ветерком. Однако, бросив взгляд вдоль пола, он увидел женские лодыжки и испытал невероятное облегчение. Однако оно не заставило его забыть о хороших манерах. Джордж, сама галантность, плотно зажмурил глаза.

Раздался голос:

– Носильщик!

– Слушаю, мэм?

– Что это за суматоха возле станции?

– Из приюта сбежал умалишенный, мэм.

– Боже мой!

Голос, несомненно, добавил бы еще что-то, но тут поезд тронулся. Затем раздался глухой звук, будто весомое тело опустилось на мягкое сиденье, а вскоре зашуршала газетная бумага. Поезд набрал скорость и запрыгал на стрелках.

Джордж впервые отправился в путь под диванчиком железнодорожного вагона, но, хотя он принадлежал к молодому поколению, по общему мнению жаждущему новых впечатлений, в эту минуту новизна его не прельщала. Он решил выбраться на волю, причем выбраться елико возможно незаметнее.

Как ни мало он знал о женщинах, ему было известно, что прекрасный пол имеет привычку пугаться при виде мужчин, выползающих в купе из-под диванчиков. И свое выполнение он начал с того, что высунул голову и обозрел местность.

Все выглядело многообещающе. Женщина на противоположном диванчике была погружена в чтение газеты. Бесшумно извиваясь, Джордж извлек свое тело из тайника и движением, которое было по силам только человеку, занимающемуся по утрам шведской гимнастикой, перебрался на угол диванчика. Женщина продолжала читать газету.

События последней четверти часа заставили Джорджа позабыть о миссии, которую он возложил на себя, выходя из приемной специалиста. Но теперь, в спокойной обстановке, он понял, что время, за которое он мог бы успешно завершить курс лечения в первый день, стремительно убывает. Специалист рекомендовал ему побеседовать с тремя незнакомыми людьми, а пока он успел поговорить только с одним. Правда, этот один был весьма внушительным собеседником, и менее совестливый молодой человек, чем Джордж Муллинер, мог бы счесть себя вправе засчитать его за полтора искомых незнакомца, а то и за целых двух. Однако в Джордже жила упрямая муллинеровская честность, и он не позволил себе передернуть факты.

Джордж собрался с духом и откашлялся.

– Кха-кха! – начал он и, открыв бал, улыбнулся обаятельной улыбкой, а затем подождал, давая своей спутнице сделать следующий ход.

Следующий ход его спутница сделала на семь-восемь дюймов вертикально вверх: она уронила газету и уставилась на Джорджа, побелев от ужаса. Легко вообразить, что именно так Робинзон Крузо смотрел на отпечаток босой ноги в песке. Она твердо знала, что сидит в купе одна, и вдруг – о! – в нем прозвучал чей-то голос! Лицо у нее задергалось, но она ничего не сказала.

Джордж, со своей стороны, испытывал некоторую неловкость. В присутствии женщин его природная застенчивость возрастала вдвое. Он никогда не знал, что бы такое им сказать.

И тут его осенила счастливая мысль. Он как раз покосился на часы и обнаружил, что их стрелки указывают половину пятого. А он знал, что примерно в это время женщины всегда рады выпить чашечку чая, и, к счастью, в его чемодане покоился термос, полный этого напитка.

«Простите, не могу ли я предложить вам чашечку чая?» – вот что он намеревался сказать, но, как часто с ним случалось в присутствии слабого пола, издать он сумел лишь шелестящий звук, словно тараканиха, созывающая своих отпрысков.

Женщина продолжала смотреть на него. Ее глаза к этому моменту достигли размеров стандартных мячей для гольфа, а дыхание приводило на ум последнюю стадию астмы. И вот тут-то на Джорджа, пытавшегося произнести хоть слово, снизошло то озарение, которое часто

нисходит на Муллинеров. В его памяти воскрес совет специалиста касательно пения. Выразить это вокально – вот выход!

Он не стал откладывать.

– Чай для двоих, и за чаем двое, я с тобою и ты со мною.

Тут лицо его спутницы приобрело оттенок бутылочного стекла, и в растерянности он решил выразиться яснее.

– У меня есть термос, полный-полный термос. И его открою я сейчас. Если небо серо, на душе тоскливо, вместе с чаем солнце выглянет для нас. У меня есть термос, полный-полный термос. Так могу ль налить я чашечку для вас?

Думаю, вы согласитесь со мной, что было бы трудно выбрать более удачную форму приглашения, но у его спутницы оно отклика не вызвало. Бросив на Джорджа заключительный угасающий взгляд, она закрыла глаза и откинулась на спинку сиденья. Ее губы обрели странный серо-голубой оттенок и слабо шевелились. Джорджу, который, как и я, страстный рыбовод, она напонила только что оглушенного лосося.

Джордж вновь замер в своем уголке, размышляя. Но, как он ни напрягал мозг, ему не удавалось найти тему, которая наверняка заинтересовала бы и развлекла собеседницу, а его возвысила. Он со вздохом уставился в окно.

Поезд теперь приближался к милым, старым, таким знакомым окрестностям Ист-Уобсли. За окном, сменяя одна другую, проплывали местные достопримечательности. При мысли о Сьюзен на Джорджа нахлынула волна нежных чувств, и он потянулся за пакетом с булочками, которые купил в ипплтонском буфете. Нежные чувства всегда будили в нем аппетит.

Он извлек из чемодана термос, отвинтил крышку и налил себе чашку чая. Потом, поставив термос на сиденье, он отхлебнул первый глоток.

И поглядел на свою спутницу напротив. Глаза у нее все еще были закрыты, и она испускала еле слышные вздохи. Джордж хотел было повторить свое предложение, но сумел вспомнить еще только один мотив – «Ханна, Ханна! Бьет с тобой чечетку вся саванна», – однако подобрать к нему подходящие слова казалось весьма трудным делом. Он съел булочку и обратил взор на знакомый пейзаж за окном.

Теперь мне следует указать, что, приближаясь к Ист-Уобсли, поезд проходит несколько стрелок, причем внезапная встряска бывает так сильна, что известны случаи, когда даже сильные мужчины расплескивали пиво. Джордж, поглощенный своими мыслями, позабыл про это и поставил термос всего в паре дюймов от края сиденья. И вот, когда вагон подпрыгнул на стрелке, термос подскочил, будто живое существо, хлопнулся об пол и взорвался.

Даже Джорджа ошеломило «ба-бах!», прозвучавший, как гром среди ясного неба. Булочка вырвалась из его пальцев и рассыпалась крошками. Он трижды стремительно моргнул. Сердце порывалось выскочить у него изо рта и расшатало передний зуб.

Однако на женщину напротив него неожиданные события произвели куда большее впечатление. С кратким пронзительным воплем она взвилась над своим сиденьем, будто вырвавшийся из кустов фазан, и, уцепившись за шнур ручного тормоза, упала на прежнее место. Как ни внушителен был ее первый подскок, теперь она превзошла прежний результат на несколько дюймов. Не знаю, каков в настоящее время рекорд для прыжков в высоту из положения сидя, но она, бесспорно, побила его на несколько дюймов, и, будь Джордж членом Олимпийского комитета, он без малейших колебаний тут же зачислил бы ее в национальную команду.

Как ни странно, хотя железнодорожные компании любезно предоставляют своим клиентам возможность за весьма умеренную плату в пять фунтов дернуть разок ручку тормоза, практически не отыщется пассажира, который дернул бы ее – или хотя бы присутствовал при

таком дерганье. А потому общество в целом не осведомлено о том, что, собственно, происходит в подобных случаях.

Происходит, по словам Джорджа, вот что: во-первых, раздается ужасающий скрип тормозов. Затем поезд останавливается. И наконец, со всех сторон света к нему начинают стекаться любопытствующие.

Произошло все вышеописанное примерно в полутора милях от Ист-Уобсли, и вокруг, насколько хватал глаз, царило полное безлюдье. Мгновение назад видны были лишь улыбающиеся нивы и обширные луга, но теперь с востока, запада, севера и юга одна за другой появлялись бегущие фигуры. Нам следует помнить, что Джордж уже пребывал в несколько взвинченном состоянии, а потому его утверждения следует принимать с некоторой осторожностью, однако из его слов явствует, что посреди пустынного луга без единого кустика, где и мыши укрыться бы негде, внезапно возникло минимум двадцать семь селян, очевидно, выскочивших из-под земли.

На рельсах, за миг до того никем не занятых, теперь собралась такая густая толпа землекопов, что, по мнению Джорджа, было бы полной нелепицей утверждать, будто в Англии существует безработица: ведь тут явно присутствовали все до единого члены трудящихся классов страны. Сверх того из поезда, который в Ипплтоне выглядел совсем пустым, теперь валом валили пассажиры. Все вместе слагалось в массовую сцену, при виде которой Дэвид У. Гриффит завизжал бы от восторга. По словам Джорджа, происходящее напоминало День открытых дверей в Королевском автомобильном клубе. Однако, как я уже упоминал, не следует забывать о его взвинченном состоянии.

Трудно сказать, как в подобных обстоятельствах надлежит вести себя человеку с безупречными манерами. По моему мнению, самому невозмутимому светскому льву потребовалась бы вся полнота хладнокровия и выдержки, чтобы с честью выйти из такого щекотливого положения. Джордж, могу сказать сразу, тут же осознал, что ему это никак не по силам. Среди бури эмоций путеводной звездой замерцала одна-единственная мысль: разумнее всего будет удалиться с поля брани, причем незамедлительно. Глубоко вздохнув, он стремительно стартовал.

Мы, Муллинеры, в свое время все отличались в разных видах спорта. И в университете Джордж славился быстротой бега. А теперь он бежал так, как не бегал еще никогда в жизни. Впрочем, его утверждение, будто, проносясь через луг, он ясно увидел, как кролик завистливо посмотрел на него и безнадежно пожал плечами, не вызывает у меня особого доверия. Я уже указывал, что Джордж был несколько перевозбужден.

Тем не менее не подлежит сомнению, что бежал он великолепно. Чему способствовал тот факт, что после первых секунд ошеломления, обеспечивших ему некоторую фору, вся толпа устремилась следом за ним. И сквозь свистевший в ушах ветер он смутно различал позади себя голоса, дружески обсуждавшие, не линчевать ли его на месте. К тому же луг, через который он бежал, мгновение назад зеленый и безлюдный, теперь зачернел фигурами во главе с бородачом, размахивавшим вилами. Бросив быстрый взгляд через плечо на своих преследователей, Джордж резко метнулся вправо. Они вызвали у него сильную антипатию, особенно бородач с вилами. Тому, кто при этом не присутствовал, невозможно определить, сколько времени длилась погоня и какое расстояние покрыли ее участники. Мне хорошо известны окрестности Ист-Уобсли, и если утверждения Джорджа соответствуют действительности, то в восточном направлении он достиг Малого Уигмарша-на-Болоте, а в западном – так даже Хиглфорда-с-Уортлбери-под-Холмом, иными словами, он, бесспорно, пробежал изрядную дистанцию.

Однако необходимо учитывать, что человеку на бегу некогда подмечать мелкие детали, и, возможно, деревня Хиглфорд-с-Уортлбери-под-Холмом была вовсе не Хиглфорд-с-Уортл-

бери-под-Холмом, а совсем другим селением, довольно с ней схожим. Едва ли мне нужно пояснять, что я имею в виду Малый Снодсбери-в-Долине.

А потому более вероятно, что Джордж от Малого Уигмарша-на-Болоте рванул в сторону и добрался именно до Малого Снодсбери-в-Долине. Дистанция тем не менее весьма внушительная. А поскольку он помнит, что пробежал мимо свинарника фермера Хиггинса, миновал «Собаку и Селезня» в Пондлбери-Парве и пересек вброд ручей Уипл в месте впадения последнего в речку Уопл, мы с полным основанием можем предположить, что, куда бы он еще ни завернул, ноги ему удалось поразмять очень порядочно.

Но и самому приятному времяпровождению наступает конец, и когда закатное солнце позолотило шпиль увитой плющом церкви святого Вараввы Стойкого, в которой Джордж так часто сживал в нежном возрасте, скрашивая скуку от проповеди выразительными гримасами в адрес мальчиков хора, случайный наблюдатель мог бы заметить, как по главной улице Ист-Уобсли с трудом передвигается непрезентабельная, увлажненная потом фигура, направляясь к уютному домику, который подрядчик нарек «Четсуортом», а сельские торговцы прозвали «Муллинеровским».

Это был Джордж на скорбном пути к родным пенатам.

Джордж Муллинер медленно приблизился к такой знакомой двери, проковылял в нее и рухнул в любимое кресло. Однако миг спустя более неотложная потребность возобладала над стремлением отдохнуть. С трудом поднявшись, пошатываясь, он побрел на кухню и налил себе живительного виски с содовой. Вновь наполнив стакан, он вернулся в гостиную и обнаружил, что он в ней не один. Стройная белокурая девушка, со вкусом одетая в сшитый по мерке костюм из твида, наклонялась над столиком, на котором он хранил свой «Словарь синонимов».

Она обернулась на звук его шагов и вздрогнула.

– Мистер Муллинер! Что с вами случилось? Ваша одежда превратилась в лохмотья, отрепья, рубище, рвань, а ваши волосы растрепаны, всклокочены, спутаны и свисают лохмами.

Джордж улыбнулся бледной улыбкой.

– Вы правы, – сказал он. – И более того, я нахожусь в состоянии крайнего утомления, усталости, упадка сил, изнеможения и прострации.

Девушка глядела на него с божественной жалостью в прелестных глазах.

– Я так вам сочувствую, – сказала она. – Так глубоко огорчена, удручена, сражена, уязвлена, сокрушена, опечалена, угнетена и расстроена.

Джордж взял ее руку в свои. Ее нежное участие принесло ему исцеление, которого он так долго искал. После бурных переживаний этого дня оно подействовало на него, как целительные чары, волшебный амулет или заклинание. Внезапно он понял, что более не заика! Если бы ему в этот миг захотелось сказать: «Сшит колпак не по-колпаковски, надо его переколпаковать, перевыколпаковать», он произнес бы эту магическую формулу без единой запинки.

Но он жаждал сказать совсем другое.

– Мисс Блейк Сьюзен... Сьюзи! – Он взял ее другую руку, а голос его звенел четко и ясно. Ему даже не верилось, что некогда в присутствии этой девушки он булькал, будто перегревшийся радиатор. – Вы не могли не заметить, что я уже давно питаю к вам чувство, более жаркое и глубокое, чем просто дружба. Любовь, Сьюзен, вот что пылает в моей груди. Любовь сначала крохотным семечком зародилась в моем сердце и росла, пока не вспыхнула пожаром, не смела своим девятым валом мою робость, мои сомнения, мои страхи и опасения, и теперь, будто топаз, венчающий какую-то древнюю башню, она громовым голосом оповещает весь мир: «Ты моя! Моя подруга! Моя суженая с начала Времен!» И как звезда ведет морехода, когда, измученный борьбой с кипящими волнами, он поворачивает свой корабль к дому, к гавани надежды и счастья, так и вы озаряете меня на ухабистой дороге жизни и словно говорите: «Мужайтесь, Джордж! Я здесь!» Сьюзен, я не красноречив, мне не дано выражаться столь прекрасно и воз-

вышенно, как я желал бы, но простые безыскусные слова, которые вы сейчас слышали, исходят из самого сердца, из незапятнанного сердца английского джентльмена. Сюзен, я люблю вас. Согласны ли вы стать моей женой, замужней женщиной, матроной, супругой, подругой дней, благоверной, помощницей или дражайшей половиной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.